

кому же больше и върить какъ не ему, этому опытному ех-эстетику, пережившему до пресыщенія всю полноту возможнаго человѣку на землѣ индивидуальнаго счастья, знающему заплаченную за него цѣну, дошедшему уже до понятія *выгоды* противоположнаго на жизнь воззрѣнія... «Свобода, независимость, деньги, имѣніе, здоровье, сила, талантъ, слава, семейное счастье...» все эстетически исчерпано, все пережито... надоѣль «божокъ»: «Надо, говорить у Гаршина самоубийца, *) надо вырвать изъ сердца этого сквернаго божка, уродца съ огромнымъ брюхомъ, это отвратительное Я, которое, какъ глистъ сосеть душу и требуетъ себѣ все новой пищи. Да откуда же я ее возьму? Ты уже все съѣлъ. Всѣ силы, все время были посвящены на служеніе тебѣ. То я кормилъ тебя, то поклонялся тебѣ; хоть ненавидѣлъ тебя, а все таки поклонялся, принося тебѣ въ жертву все хорошее, что мнѣ было дано!...»

Онъ уже дошелъ до того кульминаціоннаго пункта въ своемъ *счастїи* «по учению міра», съ котораго—ifl обойдется какъ нибудь безъ болѣе печальнаго исхода—неизбѣжно должна начаться или *Нирвана*, или реакція къ противоположному — до осязательности противоположному воззрѣнію на жизнь: «возненавидѣть себя, забывать себя, не думать о себѣ, любить другихъ, жить для другихъ—это одно средство, чтобы жить и понимать жизнь, любить ее и считать ее добромъ» («Исповѣдь»). Такъ-то оправдались слова апостола: *все минется, одна любовь останется...* И на нее стоитъ еще излить остатокъ жизни: онъ сознаеть, какъ и Гаршинскій самоубийца, что его «узкій миръ» его измучилъ, что *выгоднѣе* мучиться общимъ горемъ, чѣмъ «въ одиночку»... И мы вѣримъ, что дѣйствительно «выгоднѣе», такъ какъ мы сами хорошо видимъ, видимъ во-очію то, что происходитъ

*) «Ночь».